

Верховный Суд Российской Федерации и уголовно-правовое нормотворчество

Ю.Е. Пудовочкин*, М.М. Бабаев*

** ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Москва, Россия
11081975@list.ru*

Введение. В обеспечении качества уголовного закона особую роль играет Верховный Суд России, который согласно действующему законодательству наделен правом законодательной инициативы и обязан представлять официальное заключение на все законопроекты по вопросам внесения изменений в уголовный закон. Участие Верховного Суда в законотворческой практике – малоисследованная, но актуальная научная проблема. Анализ статистики и практики законотворческого процесса показывает, что Верховный Суд России за последние 11 лет реализовал право законодательной инициативы о внесении изменений в уголовный закон только четыре раза, в то время как не менее половины его официальных отзывов о подготовленных иными субъектами законопроектах содержат серьезные критические замечания. Можно заключить, что, по существу негативно оценивая многие законопроекты, Верховный Суд России практически не предлагает своего видения оптимального содержания уголовного закона.

Материалы и методы. Исследование выполнено в целях проанализировать формы участия Верховного Суда России в законотворческом процессе; определить факторы, препятствующие эффективной реализации этой функции; наметить пути и средства повышения качества законопроектной деятельности высшей судебной инстанции. Методы исследования: формально-логический, статистический, аналитический, прогностический.

Результаты исследования. Существующие формы участия Суда в законотворческой практике не нарушают установленного Конституцией Российской Федерации принципа разделения властей, но порождают значимые вопросы координации деятельности и уважения компетенции государственных органов, а также обеспечения подлинной независимости суда. В качестве общего тезиса следует признать, что суд не должен сознательно уклоняться от реализации своих возможностей в сфере законотворчества, тогда как парламент обязан уважать мнение профессионального сообщества о качестве проектов уголовных законов.

Обсуждение и заключение. Повышение эффективности участия Верховного Суда России в законотворческом процессе требует создания и функционирования специального организационно-правового механизма. В его практическом воплощении сегодня существует два значимых препятствия: организационного и правового характера. Первое состоит в отсутствии в структуре Верховного Суда России подразделения, которое профессионально занималось бы вопросами законопроектной деятельности, а также в отсутствии механизма координации и согласования позиций парламента и суда. Второе препятствие – слабая и противоречивая научная разработка понятия «предмет ведения» Верховного Суда Российской Федерации, по которому он вправе разрабатывать законопроекты. Однако эти препятствия являются преодолимыми.

Ключевые слова: уголовная политика, законотворческий процесс, законодательная инициатива, официальный отзыв о законопроекте, полномочия Верховного Суда Российской Федерации

Для цитирования: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Верховный Суд Российской Федерации и уголовно-правовое нормотворчество // Правосудие. 2019. Том 1, № 2. С. 51–72. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.51-72

The Supreme Court of the Russian Federation and Criminal Law Rulemaking

Yury E. Pudovochkin*, Mikhail M. Babayev*

** Russian State University of Justice, Moscow, Russia*

For correspondence: 11081975@list.ru

Introduction. The Supreme court of Russia plays a special role in ensuring the quality of the criminal law. According to current Russian legislation the Russian Supreme Court has a right to initiate legislation and is obliged to submit the official review on all the bills concerning the amendments of the Criminal Code. The Russian Supreme Court participation in legislative practice is lower developed and current scientific issue. Nevertheless according to statistics and legislative practice analysis the Russian Supreme Court exercised its legislative initiative on the amendments to the criminal law only 4 times for the last 11 years. At the same time not less than a half of Russian Supreme Court's official reviews on the bills, which were prepared by other participants of legislation process, were seriously criticized by the Court. So, the negative assessment was provided by the Court to most of the bills. However, the Russian Supreme Court does not offer the vision and understanding of the criminal law content.

Materials and Methods. To Analyze the forms of participation of the Supreme Court of Russia in the legislative process, to identify factors that impede the effective implementation of this function, to identify ways and means to improve the quality of legislative activity of the highest court. Research methods: formal-logical, statistical, analytical, prognostic.

Results. The existing forms of participation of the Court in legislative practice do not infringe the principle of separation of powers, which is established in the Constitution of the Russian Federation. However, they constitute significant issues of activity coordination and respect to the public authorities and also ensure an independence of a court. As the general thesis, the Court should not intentionally avoid the opportunities in the sphere of legislative process whereas the Parliament is obliged to consider the opinion of the professional community approximate to quality of Criminal law amendments.

Discussion and Conclusion. Improving the effectiveness of the Supreme Court of the Russian Federation in the legislative process requires the creation and functioning of a special organizational and legal mechanism. There are two current significant obstacles for a constitution of such mechanism. The first is the executive obstacle. In the structure of the Russian Supreme Court there is no division, which could deal with the issues of legislative process as well as there is no mechanism of coordination and arrangement of legislative and executive branches of power positions. The second is the legal obstacle. It consists in weak and contradictory scientific development of such concept as a "jurisdictional purview" of the Russian Supreme Court on the drafting bills right matters. However, these obstacles are able to be overcome.

Keywords: criminal policy, legislative process, legislative initiative, official review on the bill, Russian Supreme Court authority

For citation: Pudovochkin, Yu.E., Babayev, M.M., 2019. The Supreme Court of the Russian Federation and criminal law rulemaking. *Pravosudie = Justice*, 1(2), pp. 51–72. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.51-72

Введение, постановка проблемы

Вопрос об участии суда в правотворческой деятельности – один из самых сложных в теории права. Проблемы здесь начинаются с определе-

ния самой категории «правотворчество», разграничения смежных явлений «правотворчество», «законотворчество», «нормотворчество», «правоприменение», «правовое регулирование» и уходят далеко – как в область политико-философских идей, связанных с разграничением функций и властей в государстве, так и в сферу прикладных вопросов применения актов судебной власти, имеющих не индивидуально-правовой, а обобщающий характер. При этом с учетом наличия двух высших судебных органов – Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации – эти проблемы удваиваются, поскольку механизм их участия в правотворческом процессе, объем полномочий и компетенция принципиально различны.

В той или иной степени комплекс вопросов, связанных с судебным правотворчеством, уже не раз привлекал пристальное внимание специалистов [Лебедев, В.М., 2000; Марченко, М.Н., 2008; Киселев, П.И., 2010; Neha, J., 2016]. Однако стоит признать, что до настоящего времени они рассматривались преимущественно в общетеоретическом контексте. На отраслевом уровне проблематика судебного правотворчества остается все еще недостаточно изученным объектом. В этой связи представляется, что есть все основания теоретического и прикладного характера для того, чтобы рассмотреть (хотя бы на уровне небольшой научной публикации) вопросы, возникающие в связи с участием лишь одного высшего судебного органа – Верховного Суда Российской Федерации – в процессе создания норм лишь одной отрасли права – уголовного [Елинский, А.В., 2012; Жучкова, Е.В., 2009]. При этом полагаем возможным оставить за рамками настоящего исследования такой относительно самостоятельный предмет анализа, как постановления Пленума Верховного Суда по вопросам применения уголовно-правовых норм, обсуждение их правовой природы, нормативного характера, общеобязательности, места в системе источников уголовного права и в механизме уголовно-правового регулирования [Ображиев, К.В., 2015]. Ограничимся лишь одной связкой: «Верховный Суд Российской Федерации – законотворческий процесс создания уголовно-правовых норм».

Нормативные основы и формы участия Суда в законотворческом процессе

Исходные нормативные предписания, определяющие основание и формы участия высшего судебного органа в работе по созданию уголовно-правовых норм, установлены в Конституции Российской Федерации и ряде нормативных правовых актов.

Согласно ст. 104 Конституции России Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения принадлежит право законодательной инициативы.

На основании ч. 6 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»¹ Верховный Суд осуществляет принадлежащее ему в соответствии с ч. 1 ст. 104 Конституции России право законодательной инициативы по вопросам своего ведения, а также разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации по вопросам своего ведения.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»² проекты федеральных законов о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) могут быть внесены в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации только при наличии официальных отзывов Правительства России и Верховного Суда России (ст. 8 введена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ). Это требование подтверждено п. «к» ч. 1 ст. 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания России, утвержденного Постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД, согласно которому при внесении законопроекта в Государственную Думу субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должны быть представлены наряду с иными документами официальные отзывы Правительства Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по законопроекту о внесении изменений в УК РФ.

На основании этих документов легко сделать общий вывод, что в сфере создания уголовно-правовых норм Верховный Суд Российской Федерации выполняет две функции:

во-первых, по собственной инициативе может разрабатывать и вносить на рассмотрение в парламент проекты федеральных законов;

во-вторых, обязан по запросу иных субъектов законодательной инициативы давать заключения на проекты законов о внесении изменений в УК РФ.

Каждая из этих функций (направлений деятельности в сфере создания уголовно-правовых норм) заслуживает отдельного внимания.

Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации

Необходимость участия судебной власти в инициировании и разработке законов не вызывает сомнений. В.И. Анишина верно писала, что «суд не может быть устранен в полной мере от участия в процессе создания правовых норм, поскольку, будучи властным элементом системы

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 550.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2955.

управления обществом, он несет в том числе и обязанности государства перед обществом в осуществлении правовой защиты при введении в действие правил, регламентирующих различные сферы жизнедеятельности общества, его институтов, граждан страны» [Анишина, В.И., 2011, с. 4]. Ценность и значимость участия суда в законотворчестве признается и на самом высоком политическом уровне. Выступая перед судебским сообществом, Президент России подчеркнул: «Большое значение имеет правотворческая деятельность Верховного Суда. Она позволяет восполнять пробелы в законодательстве, устранять противоречия, придает многим нормам большую четкость и ясность. Важно, чтобы эта работа отвечала запросам граждан, экономики страны, современным тенденциям, которые диктует время, эпоха бурных технологических изменений. Нужно всегда помнить, что право формируется самой жизнью» [Путин, В.В., 2018].

При всем этом нельзя не обратить внимание на то, что в сфере уголовно-правового регулирования высшая судебная инстанция весьма редко использует свое право законодательной инициативы.

Информационная база данных Государственной Думы России (<http://sozd.duma.gov.ru>) позволяет констатировать, что в период с 1 января 1997 г. (с момента вступления в силу действующего УК РФ) по 1 марта 2019 г. (на момент подготовки настоящей публикации) по инициативе Верховного Суда парламентарии рассматривали всего три законопроекта о внесении изменений в УК РФ.

Официальный портал Верховного Суда России (<http://vsrf.ru>) отражает информацию о разработанных высшей судебной инстанцией законопроектах начиная с 2008 г. и позволяет утверждать о том, что этим органом разработано четыре проекта закона о внесении изменений в УК РФ (см. табл.; эти данные включают и проект закона о введении в УК РФ категории «уголовный проступок», который еще не зарегистрирован в Государственной Думе Российской Федерации).

Динамика законодательных инициатив Верховного Суда России

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019 (март)
Всего	10	12	8	6	13	20	12	9	12	9	13	2
УК РФ	0	0	0	0	2	0	0	1	0	1	0	0

Если не обращать внимание на статистические расхождения, то Верховный Суд инициировал предметно внесение изменений:

– в 2015 г. в УК РФ в части совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (Закон был принят и

опубликован на официальном интернет-портале правовой информации www.pravo.gov.ru 04.07.2016, № 0001201607040117);

– в 2012 г. в ст. 222 и ст. 223 УК РФ в части единообразного толкования примечаний к этим нормам, конструирующим специальные основания освобождения от уголовной ответственности (Закон был принят и опубликован на официальном интернет-портале правовой информации www.pravo.gov.ru 31.12.2012, № 0001201212310026);

– в 2012 г. в УК РФ в части дифференциации ответственности за мошенничество путем конструирования специальных норм (Закон был принят и опубликован на официальном интернет-портале правовой информации www.pravo.gov.ru 29.11.2012 № 0001201211290006);

– в 2007 г. в ст. 62 УК РФ в части совершенствования механизмов назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств (Закон был принят и опубликован в «Российской газете» 16 февраля 2008 г.).

Если сопоставить эти данные с общим массивом изменений уголовного законодательства (их количество превысило тысячу), становится очевидным, что Верховный Суд России проявляет весьма низкую активность в части реализации предоставленного ему права законодательной инициативы.

Четыре уголовно-правовых законопроекта за такой длительный период – это по существу (фактически) сознательный отказ от выполнения Верховным Судом одной из важных своих функций. И одновременно повод объяснить обществу причины такого отказа.

Между тем:

а) допустим, что половина появившихся в свет за последние 10 лет поправок к УК РФ были приняты без достаточных к тому объективных социальных и криминологических оснований, оказались ошибочными, несправедливыми и т. д. (допущение не такое уж и смелое). Исключим их условно из рассмотрения.

Вторая половина – это многочисленные полезные, необходимые поправки. Понятно, что за каждой из них стоит традиционная цепочка: законодательная инициатива – проект закона – закон. Когда массив таких поправок столь велик, сам по себе этот факт может, на наш взгляд, служить убедительным доказательством существования и в прошлом, и в настоящее время потребности в актуальных по существу, грамотных, хорошо продуманных и во всех отношениях обоснованных законодательных инициативах.

В силу того, что состав судей Верховного Суда Российской Федерации – это средоточие профессионалов высшей юридической квалификации, потенциал его на этот счет особенно велик. Полагаем, что более широкое (естественно, в разумных пределах) использование этого потенциала было бы весьма полезным для совершенствования российского уголовного законодательства;

б) Верховный Суд России располагает бесценным материалом, позволяющим оценить те реальные проблемы, решение которых требует корректировки действующего закона: это проводимые уже в течение ряда десятилетий обобщения и анализы судебной практики. Они, образно говоря, «сами по себе» подсказывают, что и как необходимо корректировать и когда целесообразно выступить с законодательной инициативой;

в) использование судами от имени государства наиболее суровых мер репрессии, решение сотен тысяч человеческих судеб – все это придает именно уголовно-правовой деятельности судов особенно значимый социальный и политический смысл. Представляется, по этому критерию ей уступает гражданско-правовая и административно-правовая практика судов. Возникает вопрос: почему так по-разному Верховный Суд использует свое право субъекта законодательной инициативы? Сам по себе этот факт вряд ли можно оценивать в категориях «хорошо» – «плохо». Однако он нуждается в анализе, в том числе с точки зрения выяснения его причин.

Обращаясь к их исследованию, специалисты не без оснований указывают, что на фоне большой загруженности судов («объем работы сотрудников аппарата суда, помощников судей и самих судей намного превышает условно-сравнимые объемы работы государственных гражданских служащих соответствующих по уровню органов исполнительной государственной власти»), сами «суды не видят в реализации права законодательной инициативы своей специальной задачи, исходят из приоритетов правоприменительной деятельности». Более того, «устраняясь от законотворческой активности, они получают возможность не только чувствовать себя независимой ветвью власти, но и быть арбитром деятельности других государственных органов» [Магомедов, А.А., 2013, с. 10–11].

Это, на наш взгляд, весьма точное наблюдение. Думается, что в его основе – доведенное до абсолюта (и уже оттого ошибочное) представление о системе разделения властей, в которой суды максимально дистанцированы от законотворчества и ограничены лишь «слепым» выполнением воплощенных в законе предписаний. Это механистическое и позитивистское правопонимание хотя и уходит постепенно в прошлое, тем не менее оказывает весьма сильное влияние на общий настрой судов по отношению к законотворчеству.

Но вместе с этим существуют и причины более «земного» характера, связанные с нормативным регулированием самого права законодательной инициативы Верховного Суда Российской Федерации. Напомним, что согласно ст. 104 Конституции России высшая судебная инстанция вправе вносить на рассмотрение в парламент законопроекты по «предметам своего ведения». Однако тут и возникает весьма серьезный в теоретико-прикладном отношении вопрос – что считать «предметом ведения» Верховного Суда Российской Федерации.

Как правило, в литературе это понятие специально не анализируется, а компетенция Верховного Суда Российской Федерации раскрывается через перечисление и анализ его полномочий, определенных Конституцией и Законом «О Верховном Суде Российской Федерации» [Ершов, В.В., ред., 2011, с. 203–204]. При этом создается устойчивое впечатление, что «предмет ведения» – это главным образом организация судебной власти и судопроизводство по уголовным, гражданским, административным и иным делам, другими словами – судоустройственные и процессуальные вопросы. Не случайно именно по инициативе Верховного Суда были внесены в Государственную Думу проекты Гражданского процессуального кодекса, Кодекса административного судопроизводства, проекты законов «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», «О военных судах». В текущей практике основной массив законодательных инициатив, насколько можно судить по информации с официального сайта Верховного Суда России, также связан с необходимостью решения этих вопросов (в период с 2008 г. по март 2019 г. по вопросам совершенствования Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации высшая судебная инстанция разработала 10 законопроектов).

Проблемы собственно материально-правового (уголовно-правового, гражданско-правового и т. д.) регулирования не воспринимаются как часть «предмета ведения» высшей судебной инстанции. Вероятно, именно по этой основной причине Верховный Суд Российской Федерации и не вторгается в инициативном порядке в их обсуждение и разработку соответствующих законопроектов.

Подготовка официальных отзывов о законопроектах

Начиная с 2003 г., ни один проект закона о внесении изменений в УК РФ согласно нормам действующего законодательства не может быть внесен на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации без официального отзыва Верховного Суда Российской Федерации. Анализ документов, сопровождающих 50 из последних внесенных в Государственную Думу законопроектов о внесении изменений в УК РФ, свидетельствует, что только в половине отзывов Верховного Суда не содержалось каких-либо замечаний к тексту проекта. В 25 отзывах были высказаны замечания, при этом только в 5 отзывах замечания носили сугубо технико-юридический (формальный) характер, тогда как в остальных они касались, как представляется, принципиальных, существенных положений проекта закона.

Позволим себе для примера привести несколько цитат.

Оценивая проект закона (№ 388776-7), которым предполагается увеличить сроки лишения за квалифицированные виды сексуальных преступлений, высшая судебная инстанция указывает: «В пояснительной записке не приводятся данные судебной статистики и результаты кри-

минологических исследований, подтверждающие недостаточность мер наказания, установленных в санкциях части четвертой статьи 131 и части четвертой статьи 132 УК РФ. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2016 году доля лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет по п. “б” ч. 4 ст. 131 УК РФ, составила 8 процентов, а по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ – 3 процента. Таким образом, по нашему мнению, имеющийся потенциал санкций действующих ч. 4 ст. 131 и ч. 4 ст. 132 УК РФ позволяет судам назначать справедливое наказание с учетом фактических обстоятельств дела, в том числе учитывать наступившие последствия. При этом усиление наказания за изнасилование или иные насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении потерпевшей (потерпевшего), не достигшей (не достигшего) четырнадцатилетнего возраста, повлекшие по неосторожности указанные последствия, само по себе не может способствовать обеспечению неотвратимости уголовной ответственности за соответствующие общественно опасные действия»³.

В отзыве на проект закона (№ 854729-6), которым предлагается установить в УК РФ специальные нормы об ответственности за хищение бюджетных средств, Верховный Суд отметил: «В настоящее время уголовная ответственность за хищение бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов предусмотрена статьями главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации “Преступления против собственности”. Для принятия решения о выделении указанных деяний в специальные составы преступлений требуется установить невозможность обеспечения защиты государственной собственности с помощью общих норм. При этом целесообразность такого законодательного предложения должна быть подтверждена специальными исследованиями и данными, свидетельствующими о неэффективности существующих средств защиты охраняемого уголовным законом объекта, в том числе о недостаточности действующих санкций, о соразмерности предлагаемых мер общественной опасности таких деяний. Однако в пояснительной записке к рассматриваемому законопроекту подобное обоснование отсутствует. Высказанный авторами законопроекта аргумент о сложности доказывания по делам данной категории представляется явно недостаточным. Кроме того, дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации указанными статьями породит трудно разрешаемые проблемы конкуренции новых и ныне действующих норм... Представляется, что введение особого режима уголовно-правовой охраны одного из видов государственной собственности, сопровождаемое существенным ужесточением наказания, не будет соответствовать конституционному принципу равной защиты различных форм собственности, а также

³ <http://asozd.duma.gov.ru>

принципу справедливости наказания, закрепленному в статьях 6 и 43 УК РФ»⁴.

В отзыве на проект закона (№ 1048192-6), которым предлагалось декриминализировать угон транспортного средства с тем, чтобы соответствующие действия оценивать по статьям закона об ответственности за кражу, высшая судебная инстанция указала: «Признание статьи 166 УК РФ утратившей силу будет означать декриминализацию предусмотренного ею деяния, что при подготовке законопроекта оставлено без внимания. Так, лица, осужденные по статье 166 УК РФ, признаны виновными в неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения, что исключает возможность переквалификации их действий на другие статьи уголовного закона, предусматривающие ответственность за хищение. В соответствии с положениями статьи 10 УК РФ указанные лица будут подлежать освобождению от наказания. Между тем, как представляется, такие последствия законодательной инициативы не согласуются с ее концепцией»⁵.

Анализ высказанных Верховным Судом России критических замечаний по предлагаемым проектам законов (по меньшей мере по 20 из изученных) показывает, что они указывают на существенные ошибки в проектируемых нормах, которые по сути своей свидетельствуют о нежелательности соответствующих изменений. Между тем стоит обратить внимание на то, что только единичные отзывы завершаются общим выводом относительно того, что «законопроект Верховным Судом Российской Федерации не поддерживается». В большинстве же отзывов вывод подобного рода не содержится, что формально не позволяет определить официальную позицию высшей судебной инстанции. Такое молчаливое уклонение от однозначной оценки законопроектов может расцениваться как свидетельство невмешательства в законотворческий процесс парламента, проявление политической вежливости по отношению к нему и демонстрация собственной независимости [Gavison, R., 2013].

Но проблема состоит не столько в этом, сколько в том, что отзыв, даже отрицательный по существу, формально не является препятствием к рассмотрению законопроекта в Государственной Думе и последующему принятию закона, в том числе без учета замечаний высшей судебной инстанции. Принцип разделения властей и система противовесов между ними, разумеется, не предусматривают возможности блокирования отзывом Верховного Суда законодательных инициатив парламента и Правительства. Однако надо полагать, что и полное игнорирование мнения одной из властей при разработке законов недопустимо, тем более когда этот закон имеет отношение к предмету ее ве-

⁴ <http://asozd.duma.gov.ru>

⁵ Там же.

дения. Следовательно, необходим механизм, позволяющий согласовать расходящиеся мнения, например, посредством обязательного включения представителей судебной власти в состав рабочих групп по разработке законопроектов, что, в свою очередь, предполагает обязательное наличие самих таких групп в комитетах Государственной Думы, ответственных за разработку законопроекта.

Варианты совершенствования уголовного закона и роль Верховного Суда России

В рассуждениях о роли и возможностях Верховного Суда Российской Федерации в развитии и реформировании уголовного законодательства нельзя обойти вниманием вопрос о том, что само по себе изменение УК РФ может иметь различный характер в зависимости от того, насколько глубоко и масштабно этим изменением корректируется закон. Не требует специальных доказательств мысль о том, что следует различать, с одной стороны, изменения, корректирующие текущие проблемы правового регулирования, восполняющие пробелы, устраняющие неточности и рассогласования правовых норм, а с другой стороны – изменения более или менее фундаментального характера, затрагивающие целые институты уголовного права, а порой и его фундаментальные категории (например, преступления и наказания). Эти два типа изменений условно можно назвать тактическими и стратегическими.

Изменения тактического характера наиболее близки Верховному Суду, поскольку именно в практике применения уголовного закона, в процессе ее анализа и обобщения определяется потребность в самих таких трансформациях. Правы специалисты, когда пишут, что «деятельность судебных институтов по обобщению практики применения нормативных правовых актов в наибольшей степени носит аналитический характер. Она также направлена на совершенствование правоприменительной практики и на выявление пробелов в законодательстве, требующих соответствующего восполнения... Судебные органы, непосредственно выявившие пробел и сформулировавшие новое положение, смогут наиболее точно передать его в тексте законопроекта» [Магомедов, А.А., 2013, с. 12, 16].

Вместе с тем надо учитывать, что текущие проблемы, связанные с неполнотой, неопределенностью и иными дефектами уголовно-правовых норм, во многом разрешаются Верховным Судом при реализации его полномочий давать судам разъяснения по вопросам судебной практики и воплощаются в постановлениях Пленума Верховного Суда. Это зачастую становится поводом для упрека в адрес высшей судебной инстанции со стороны тех юристов, которые в таких постановлениях усматривают неприемлемый нормативный характер и обвиняют Верховный Суд Российской Федерации в присвоении полномочий законодателя [Рарог, А.И., 2001; Иванчин, А.В., 2014, с. 53]. Не углубляясь

в полемику по этому вопросу, отметим, что в таких упреках есть известная доля справедливости и с точки зрения создания «идеального» уголовного закона целый ряд разъяснений Пленума должен был иметь форму закона. Однако в силу отмеченного дистанцирования Верховного Суда от законотворческого процесса эти разъяснения остаются на уровне актов судебной власти, опять же подчеркивая тем самым ее независимость и самостоятельность в решении проблем применения дефектных правовых норм.

Таким образом, участие Верховного Суда Российской Федерации в решении тактических задач совершенствования уголовного закона и практики его применения реализуется в двух направлениях – либо в реализации права на законодательную инициативу, либо в форме разъяснений по вопросам судебной практики в постановлениях Пленума. При этом, как свидетельствует опыт, второй вариант является для высшей судебной инстанции в большей степени предпочтительным (справедливости ради надо также сказать, что этот путь более оперативен, менее ресурсозатратен, а зачастую и более профессионален).

Однако ограничивать роль судебной власти только решением тактических задач уголовно-правового регулирования нельзя. Практика показывает, что законодательные инициативы Верховного Суда России выражаются и в разработке проектов стратегического характера. Самые яркие (они же – единственные) примеры: законопроект о совершенствовании оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (в очень «урезанном» виде был принят Государственной Думой), законопроект о реформировании составов мошенничества и проект закона, предполагающий включение в УК РФ категории «уголовный проступок». Можно по-разному оценивать содержание этих проектов, соглашаться или не соглашаться с предлагаемыми решениями концептуального реформирования уголовного закона и отдельных его институтов. На то они и проекты, они всегда подлежат обсуждению. Но мотив несогласия не должен, по нашему мнению, служить основанием к отказу в самом праве Верховного Суда России на инициативную разработку фундаментальных законопроектов.

В связи с этим полагаем возможным возразить А.В. Наумову. Он пишет (приведем мысль автора полностью, с извинением за большой объемом цитаты): «Опыт законодательных инициатив Верховного Суда РФ оказался мало удачным. Так, теория уголовного права и судебная практика не восприняли позитивно новеллы УК РФ, предложенные Верховным Судом по формулированию ряда специальных норм УК об ответственности за мошенничество. Думается, что истоки этого лежат в том, что Конституция РФ (в ст. 104) предоставляет право законодательной инициативы (наряду с другими субъектами) и Верховному Суду РФ. Представляется, что это... противоречит конституционному принципу разделения властей. Судебная ветвь власти является сугубо специфич-

ческой. И Верховный Суд РФ осуществляет свои полномочия именно в рамках правосудия. Такой функцией другие субъекты власти (например, Президент РФ, Правительство РФ) не наделены. И это правильно. Как говорится, “Кесарю кесарево”: суду – судебную власть, судопроизводство, а законодателю – законодательство. И у Верховного Суда контроль над законодательством – и громадный, и специальный: судебный надзор за применением законодательства (в том числе и уголовного) в рамках судопроизводства (включая, разумеется, и его право давать разъяснения по вопросам судебной практики)» [Наумов, А.В., 2019, с. 337–338].

Представляется, что сам по себе факт наличия законодательной инициативы у Верховного Суда не посягает на принцип разделения властей (в противном случае, следуя логике автора, в таком праве надо отказывать и Правительству, и Президенту, и Конституционному Суду). Равным образом как само наличие, так и реализация этого права не определяют качества разрабатываемых проектов (в противном случае, ссылаясь на качество проектов, в праве законодательной инициативы стоит отказать, пожалуй, большинству депутатов Государственной Думы). Напротив, считаем, что именно активизация права законодательной инициативы Верховного Суда России и ее надлежащее организационно-методическое и научное сопровождение могут способствовать качественному реформированию уголовного закона.

Другое дело, что стратегические инициативы Верховного Суда разрабатываются, по большому счету, в уголовно-политическом вакууме. Вряд ли сегодня кто-то может ответить на вопрос о том, что представляет собой российская уголовная политика, каково ее основное содержание, перспективы развития, основополагающие идеи, цели. В таких условиях Верховный Суд предлагает свое видение решения уголовно-политических задач, отталкиваясь, разумеется, в первую очередь от проблем и потребностей собственно судебной системы, что, на наш взгляд, по определению не может не отражаться на содержании законодательных инициатив.

Некоторые итоги и перспективы

Итак:

- участие Верховного Суда Российской Федерации в процессе разработки законов о внесении изменений в УК РФ (а по логике вещей – и в разработке нового Кодекса, если и когда в этом возникнет необходимость) имеет под собой конституционную основу и нормативные предпосылки;

- участие судебных органов в законотворческом процессе нельзя рассматривать как нарушение принципа разделения властей, поскольку оно закономерным образом отражает «обратную сторону» этого принципа, предполагающего одновременно системный характер и

синтез усилий государственных органов в реализации функций государства⁶;

– участие Суда в процессе создания уголовно-правовых норм оправданно с сущностной, содержательной точки зрения, поскольку именно Суд при разрешении конкретных уголовных дел, в процессе анализа и обобщения судебной практики выявляет пробелы, противоречия, неполноту уголовного законодательства, его системные «нестыковки» с положениями законов иной отраслевой принадлежности, устранение которых способно оптимизировать УК РФ.

Значимость поддержания и развития связки «суд – законотворчество» признается сегодня и самим судебским сообществом. В Постановлении Президиума Совета судей Российской Федерации от 27 января 2000 г. № 2 «Об участии органов судебного сообщества в законодательном процессе»⁷ было отмечено: «Следует признать, что в целом участие органов судебного сообщества в законотворческом процессе не всегда эффективно. Вызвано это тем, что представители судебной власти участвуют в законопроектной работе, проводимой непосредственно в органах законодательной власти, эпизодически и лишь по своей инициативе. В ряде случаев обращения Совета судей в Государственную Думу о включении в рабочие группы его представителей оставались без ответа. Таким образом, ограничивается использование опыта судей в правоприменительной деятельности, что зачастую приводит к принятию таких законодательных актов, практическая реализация которых весьма затруднительна».

Изложенное дает возможность сформулировать единственный, совершенно не оригинальный, но важный вывод: в интересах последовательного воплощения системных начал принципа разделения властей и в интересах повышения эффективности уголовно-правового регулирования необходим механизм, позволяющий оптимизировать участие высшей судебной инстанции в законотворческом процессе. Между тем, как показывают специальные исследования, «правовая регламентация конституционного полномочия Верховного Суда Российской Федерации по реализации им права законодательной инициативы на сегодняшний

⁶ В.В. Ершов верно отмечает: «Применение категорий системного анализа вызывается необходимостью исследования правовых явлений, в том числе органов государственной власти, в целом, в рамках системы федеральных органов государственной власти России. При таком общенаучном подходе к исследованию правовых явлений уже нельзя ограничиваться только собственно разделением функций органов государственной власти. С объективной необходимостью как в теоретическом, так и в практическом плане прежде всего следует акцентировать внимание на анализе системы органов государственной власти в целом, изучении проблем взаимовлияния, взаимосвязи, сдерживания и взаимоограничений правотворческих, исполнительных и судебных органов государственной власти» [Ершов, В.В., 2018, с. 43–44].

⁷ Российская юстиция. 2000. № 4.

ний день практически отсутствует, а практика реализации этого права основана на сложившихся в Аппарате Верховного Суда Российской Федерации административных обыкновениях» [Скворцов-Савельев, И.А., 2010, с. 10].

В создании и надлежащем функционировании заявленного механизма сегодня, как представляется, есть два существенных препятствия: организационного и правового характера.

Первое состоит в том, что реализация законотворческих инициатив и законопроектной экспертизы со стороны Верховного Суда может быть оптимальной при условии надлежащего организационного сопровождения этого направления деятельности.

В цитированном Постановлении Президиума Совета судей Российской Федерации отмечалось: «Подготовка проектов законов требует значительных временных затрат, владения техникой законотворчества, в связи с чем Президиум Совета судей Российской Федерации полагает, что в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации должна быть развернута работа по законодательному обеспечению судебной деятельности с привлечением в необходимых случаях к выполнению этой работы видных ученых-правоведов на договорной основе». На сегодняшний день в структуре Центрального аппарата Судебного департамента при Верховном Суде функционирует Главное управление организационно-правового обеспечения деятельности судов, в задачи которого наряду с прочим входят разработка законопроектов и проектов иных нормативных правовых актов, участие в подготовке законопроектов и проектов иных нормативных правовых актов, подготавливаемых другими структурными подразделениями Судебного департамента, а также подготовка самостоятельно или совместно с другими подразделениями Судебного департамента заключений на проекты нормативных правовых актов, поступающих на рассмотрение в Судебный департамент, разработка проектов ведомственных нормативных актов по направлению деятельности Главного управления.

Несложно заметить, что содержание законопроектной деятельности соответствующего подразделения Судебного департамента при Верховном Суде закономерно ограничено вопросами, связанными с обеспечением деятельности самой судебной системы, и не выходит за эти пределы в широкую область регулирования иных правовых отношений, в том числе отношений уголовно-правовых.

Эту задачу призваны решать структуры самого Верховного Суда России. Согласно ст. 17 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в целях организационного, информационного, документационного, финансового и материально-технического обеспечения деятельности Верховного Суда Российской Федерации создается Аппарат Верховного Суда. В структуре Аппарата

функционирует Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда, основные функции которого наряду с прочим включают в себя подготовку отзывов, замечаний и предложений по проектам федеральных законов и иных нормативных правовых актов в соответствии с предметом ведения Верховного Суда, а также участие в подготовке предложений по совершенствованию законодательства и разработке законопроектов, вносимых Верховным Судом в порядке законодательной инициативы⁸. В сфере уголовного права эти функции непосредственно осуществляются в Отделе систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Между тем представляется, что небольшая штатная численность Отдела и обилие возложенных на него функций (прежде всего связанных с обобщением и анализом судебной практики) в совокупности с тем простым обстоятельством, что Отдел лишь «участвует в подготовке предложений» по совершенствованию законодательства, сама инициатива которых принадлежит Верховному Суду Российской Федерации как таковому, не позволяют считать конституционно установленную функцию законодательной инициативы высшей судебной инстанции в должной мере организационно обеспеченной. В связи с чем требуется, на наш взгляд, более детальная проработка вопроса о том, кто же именно и в каком порядке должен инициировать разработку проектов уголовно-правовых законов в высшей судебной инстанции. Не претендуя на оптимальность, смеем в качестве ориентира решения проблемы указать на постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 264 «Об утверждении Положения о Комиссии Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности», согласно которому именно эта, специально созданная Комиссия (в нее, кстати, по согласованию, входит Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации) сосредоточивает в своих руках организационно-управленческие функции по подготовке законопроектов Правительством Российской Федерации и обеспечивает участие Правительства в законотворческом процессе. Полагаем, что некое подобие такой комиссии может быть создано и при Верховном Суде Российской Федерации.

Второе из отмеченных выше препятствий – правового характера. Оно состоит в том, что понятие «предмет ведения» Верховного Суда России совершенно не разработано. Вопрос о том, ограничен этот «предмет

⁸ Положение об аппарате Верховного Суда Российской Федерации : утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2015 г. URL: http://vsrf.ru/about/info/documents_regulations/24122/

ведения» исключительно вопросами судоустройства и судебного процесса или же включает широкий круг проблем правового (в том числе уголовно-правового) регулирования общественных отношений, находится на стыке теории судоустройства, конституционного права и правовой (уголовно-правовой) политики. Его решение, возможное без вмешательства в текст Конституции России, требует глубокой теоретической проработки.

Специалисты по теории права справедливо пишут: «Существует необходимость толкования понятия “по вопросам их ведения” относительно права законодательной инициативы высших судебных органов Российской Федерации» [Лазарев, В.В. и Шуберт, Т.Э., 2017, с. 13]. При обращении к этому вопросу в науке высказаны различающиеся суждения.

Существует мнение, что Верховный Суд Российской Федерации может осуществлять свое право законодательной инициативы применительно ко всем сферам нормативного регулирования, с которыми связана его правоприменительная деятельность при рассмотрении дел, подведомственных судам общей юрисдикции и арбитражным судам [Котелевская, И., 1996, с. 68–69; Абрамова, А.И., 2000, с. 349]. Близкое суждение высказал Н.А. Тузов: «Объектом (предметом) права судебной законодательной инициативы являются правоотношения, отнесенные к ведению высших и иных судебных органов, которые выражены в их компетенции, включающей в себя подведомственность и подсудность им дел и задачи соответствующих видов судопроизводства. При этом у каждого высшего и иного органа судебной власти имеется свой объект права законодательной инициативы, охватывающий отраслевые вопросы как материального, так и процессуального права, относящиеся к предмету ведения соответствующего суда» [Тузов, Н.А., 2006, с. 11].

В то же время в доктрине представлено мнение о том, что «сторонники широкого понимания полномочий судов как субъектов права законодательной инициативы склонны недооценивать буквальное содержание... конституционной нормы (имеется в виду ст. 104 Конституции Российской Федерации. – М.Б., Ю.П.). ...Специфическое положение судов в системе органов государственной власти обуславливает... сравнительно узкий сегмент, в пределах которого данные органы реализуют свое право законодательной инициативы. Практика его осуществления высшими судебными органами в основном демонстрирует их единство в понимании того, что упомянутые в ст. 104 Конституции Российской Федерации “вопросы ведения” представляют собой вопросы, относящиеся к порядку и условиям осуществления правосудия» [Ганичева, Е.С., 2014, с. 132, 135].

В нашу профессиональную задачу, разумеется, не может входить предметное обсуждение вопроса о том, как следует толковать понятие

«предмет ведения» Верховного Суда Российской Федерации. Однако с позиции решения вопросов оптимизации нормативной основы реализации уголовной политики в стране нельзя не заключить, что инициативная подготовка Верховным Судом законопроектов по проблемам уголовно-правового регулирования является, как минимум, крайне желательной. В этих целях, вероятно, высшая судебная инстанция вправе самостоятельно истолковать понятие «предмет ведения» (например, в Положении об Аппарате Верховного Суда Российской Федерации) и легализовать по сути складывающуюся практику своего непосредственного участия в инициативной разработке проектов уголовно-правовых законов.

Список использованной литературы

- Абрамова А.И. Законотворчество в Российской Федерации : науч.-практ. и учеб. пособие / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Формула права, 2000. 608 с.
- Анишина В.И. Правотворчество в деятельности Верховного Суда Российской Федерации: форма и проблемы реализации // Российский судья. 2011. № 11. С. 4–8.
- Ганичева Е.С. Пределы осуществления права законодательной инициативы высшими органами судебной власти // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 131–139.
- Gavison R. Culture, society, law and adjudication // International Journal of Constitutional Law. October 2013. Vol. 11, issue 4. P. 1114–1119.
- Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении. М. : Юрлитинформ, 2012. 496 с.
- Ершов В.В. Правовое индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 628 с.
- Жучкова Е.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного права и уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
- Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика / под ред. Л.А. Кругликова. М. : Проспект, 2014. 352 с.
- Киселев П.И. Правотворческая роль актов правосудия в современной России: теоретико-правовой и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 27 с.
- Котелевская И. Взаимодействие властей в законотворчестве: разногласия и поиски компромисса // Проблемы парламентского права России : сб. / под ред. Л. Иванова. М. : Изд-во МОНФ, 1996. С. 57–73.

Лазарев В.В., Шуберт Т.Э. Право законодательной инициативы высших судов и проблемы его реализации // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 5–13.

Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М. : РАП, 2000. 368 с.

Магомедов А.А. Роль судебной практики в повышении качества законотворческого процесса // Государство и право на современном этапе. Материалы научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации : сб. ст. и тез. Издербаш : ДГУ, 2013. С. 7–16.

Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 512 с.

Наумов А.В. Уголовный проступок или преступление небольшой тяжести: терминологическое или принципиальное различие? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI междунар. науч.-практ. конф. М. : Проспект, 2019. С. 335–338.

Neha J. Judicial Lawmaking and General Principles of Law in International Criminal Law // Harvard International Law Journal. 2016, Winter. Vol. 57, no. 1. P. 111–150.

Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2015. 504 с.

Путин В.В. Выступление на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда, 22 января 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688> (дата обращения: 22.04.2019).

Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51–57.

Скворцов-Савельев И.А. Суды Российской Федерации как субъекты права законодательной инициативы федерального уровня : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 25 с.

Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: курс лекций / под ред. В.В. Ершова. М. : РАП, 2011. 904 с.

Тузов Н.А. Судебная законодательная инициатива: субъекты, основания, объект и проблемы // Российское правосудие. 2006. № 8. С. 4–12.

References

Abramova, A.I., 2000. *Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii* = [Lawmaking in the Russian Federation]. Scientific and practical manual. A.S. Pigolkin, ed. Moscow: Formula prava. (In Russ.)

- Anishina, V.I., 2011. Law-making in the activity of the supreme court of the Russian Federation: form and problems of realization. *Rossijskij sud'ya* = [Russian Judge], 11, pp. 4–8. (In Russ.)
- Elinskij, A.V., 2012. *Problemy ugovnogo prava v konstitucionnom izmerenii* = [Problems of criminal law in the constitutional dimension]. Moscow: Yurlitinform, 2012. (In Russ.)
- Ershov, V.V., 2018. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij* = [Legal and individual regulation of social relations.]. Moscow: RGUP. (In Russ.)
- Ershov, V.V., ed., 2011. *Sudebnaya vlast' i pravosudie v Rossijskoj Federacii* = [Judicial power and justice in the Russian Federation]. Course of lectures. Moscow: RAP. (In Russ.)
- Ganicheva, E.S., 2014. Limits of Exercise of the Right of Legislative Initiative by Supreme Judicial Authority. *Jurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, 11. (In Russ.)
- Gavison, R., 2013. Culture, society, law and adjudication. *International Journal of Constitutional Law*, 11(4), October, pp. 1114–1119. (In Eng.)
- Ivanchin, A.V., 2014. *Konstruirovanie sostava prestupleniya: teoriya i praktika* = [Constructing the corpus delicti: theory and practice]. In: L.L. Kruglikov, ed. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
- Kiselev, P.I., 2010. *Pravotvorcheskaya rol' aktov pravosudiya v sovremennoj Rossii: teoretiko-pravovoj i prikladnoj aspekty* = [Law-making role of justice acts in modern Russia: theoretical, legal and applied aspects]. Abstract of Cand. Sci. (Law). Krasnodar. (In Russ.)
- Kotelevskaya, I., 1996. [Interaction of powers in lawmaking: differences and compromise]. In: L. Ivanov, ed. *Problemy parlamentskogo prava Rossii* = [Problems of parliamentary law of Russia]. Collection. Moscow: MONF, pp. 57–73. (In Russ.)
- Lazarev, V.V. and Shubert, T.E., 2017. Power of the Supreme Court to Initiate Legislation and the Problems Connected with Its Implementation. *Jurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, 3, pp. 5–13. (In Russ.)
- Lebedev, V.M., 2000. *Stanovlenie i razvitie sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii* = [Formation and development of the judiciary in the Russian Federation]. Moscow: RAP. (In Russ.)
- Magomedov, A.A., 2013. [The role of judicial practice in improving the quality of the legislative process]. *Gosudarstvo i pravo na sovremenom etape. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii posvyashchennyj 20-letiyu Konstitucii RF* = [State and law at the present stage. Preceedengs of the scientific and practical conference devoted to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. Col-

lection of articles and abstracts. Izberbash: DGU, 2013. S. 7–16. (In Russ.)

Marchenko, M.N., 2008. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo* = [Judicial lawmaking and judicial law]. Moscow: TK Velbi; Prospekt. (In Russ.)

Naumov, A.V., 2019. [A criminal offence or a minor offence: a terminological or fundamental difference?]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* = [Criminal law: a strategy for development in the twenty-first century]: Preceedengs of the XVI international scientific and practical conference. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Neha, J., 2016. Judicial Lawmaking and General Principles of Law in International Criminal Law. *Harvard International Law Journal*, 57(1), Winter, pp. 111–150. (In Eng.)

Obrazhiev, K.V., 2015. *Sistema formal'nyh (yuridicheskikh) istochnikov rossijskogo ugolovnogo prava* = [System of formal (legal) sources of Russian criminal law]. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Putin, V.V., 2018. *Vystuplenie na torzhestvennom sobranii, posvyashchennom 95-letiyu Verhovnogo Suda* = [Speech at the solemn meeting dedicated to the 95th anniversary of the Supreme Court], 22 January. Available at: <<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688>> [Accessed 22.04.2019]. (In Russ.)

Rarog, A.I., 2001. [Legal significance of the explanations of the Plenum of the Supreme Court]. *Gosudarstvo i pravo* = State and Law, № 2, pp. 51–57. (In Russ.)

Skvorcov-Savel'ev, I.A., 2010. *Sudy Rossijskoj Federacii kak sub'ekty prava zakonodatel'noj iniciativy federal'nogo urovnya* = [Courts of the Russian Federation as subjects of law of legislative initiative of the Federal level]. Abstract of Cand. Sci. (Law). St Petersburg. (In Russ.)

Tuzov, N.A., 2006. Judicial legislative initiative: subjects, grounds, object and problems. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], 8, pp. 4–12. (In Russ.)

Zhuchkova, E.V., 2009. *Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosam ugolovnogo prava i ugolovnogo processa* = [Legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation on criminal law and criminal procedure]. Abstract of Cand. Sci. (Law). Moscow. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors:

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, главный научный сотрудник – руководитель направления уголовно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (117418, Россия, Москва, ул. Новочерёмуш-

кинская, д. 69), доктор юридических наук, профессор [**Yury E. Pudovochkin**, Chief Researcher – Head of the Department of Criminal Law Research of the Center for the Study of Justice Problems, Russian State University of Justice (69, Novocheryomuskinskaya St., Moscow, 117418, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor]. E-mail: 11081975@list.ru

Бабаев Михаил Матвеевич, главный научный сотрудник направления уголовно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (117418, Россия, Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации [**Mikhail M. Babayev**, Chief Researcher of the Department of Criminal Law Research of the Center for the Study of Justice Problems, Russian State University of Justice (69, Novocheryomuskinskaya St., Moscow, 117418, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor]. E-mail: babaevmm@yandex.ru